

Державинъ, написавшій оду по поводу Тильзитскаго мира, представилъ ее императрицамъ, но Александръ не разрѣшилъ напечатать стихи, потому что Наполеонъ представлялся у поэта алчнымъ завоевателемъ, а Александръ—миротворцемъ. Впослѣдствіи (въ 1815 г.), отправляя списокъ этой оды Мерзлякову для напечатанія, маститый пѣвецъ Фелицы писалъ: „Миръ былъ не весьма выгоденъ, радоваться было можно, такъ сказать, съ оглядкою, а для того и не могъ я предаться полному вдохновенію“.

Маршалъ Бертье.

Уныніе овладѣло всѣми, кто могъ разсуждать и заглядывать въ ближайшее будущее. На такихъ лицъ Тильзитскій миръ производилъ самое грустное впечатлѣніе: въ союзѣ съ Наполеономъ видѣли одно лишь поработеніе ему и признаніе его власти. „И вотъ эпоха,—писалъ въ своихъ „запискахъ“ Вигель:—въ которую важнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему Государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды, въ чувство какого-то омерзѣнія“.

Въ началѣ 1808 г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, запретилъ вновь издавать напечатанную въ Москвѣ въ 1807 г., книгу „Картина французской политики и короли Бонапартовской фабрики“. Самое слово Бонапартъ приказано было исключить изъ употребленія въ Россіи...

Въ 1810 г. Императору Александру стало совершенно ясно, что переломить экономическое развитіе Россіи было безуміемъ; что воевать легче, чѣмъ переносить долѣе тягости континентальной блокады. И когда Александру категорически было предъявлено двойное требованіе: во-первыхъ, не пускать къ себѣ англичанъ—„за кого бы они себя ни выдавали“, и безпощадно истреблять всякій подозрительный грузъ, какимъ бы нейтральнымъ флагомъ онъ ни прикрывался, а во-вторыхъ, признать новый французскій тарифъ обязательнымъ и для Россіи,—у Императора Александра не было болѣе колебаній. Онъ не только отказался слушать второе требованіе, заявляя, что таможенные тарифы представляютъ внутреннее дѣло государства, въ которое другія державы, хотя и союзныя, не имѣютъ права вмѣшиваться, и принять Трианонскій тарифъ (который былъ выгоденъ для странъ, уже имѣвшихъ большіе зачатки крупной промышленности), значило бы обнаружить „слишкомъ мало заботъ о благосостояніи своихъ подданныхъ“. Императоръ Александръ не только продолжалъ пускать къ себѣ англичанъ, если послѣдніе приходили въ наши порты подъ американскимъ флагомъ, но и позволилъ безпрепятственно выгружаться большей части тѣхъ 600 кораблей (самъ Государь насчитывалъ ихъ только сто), о которыхъ такъ настойчиво хлопоталъ Наполеонъ. Александръ отвѣтилъ на Трианонскій декретъ русскимъ тарифомъ 18/31 декабря 1810 г., представлявшимъ собою не что иное, какъ формальное объявленіе таможенной войны Франціи.

Фактически экономическій миръ съ Англіей былъ заключенъ въ ту самую минуту, когда Франціи была объявлена таможенная война. Указъ 18 декабря былъ формальнымъ нарушеніемъ Тильзитскаго договора, ставившаго торговыя сношенія между Россіей и Франціей на почву трактата 1787 г., подразумѣвавшаго, что всякія измѣненія въ status quo должны устанавливаться по обоюдному соглашенію. Когда русскому правительству было указано на это, то оно отвѣтило, что Франціей также были повышены пошлыны на поташъ, чай, ревень, рыбій жиръ и другіе предметы, привозимые изъ Россіи, безъ какого-либо соглашенія съ послѣдней. Не надо объяснять, что пошлына на рыбій жиръ въ двадцать лѣтъ не могла вынуть изъ кармана Россіи столько, сколько могла вложить въ него въ одинъ годъ пошлына на ліонскій бархатъ.

Такимъ образомъ союзъ Наполеона съ Александромъ оказался далеко неравноправнымъ; на Россію возлагались тяжелыя обязательства по участію въ континентальной системѣ и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ англичанъ, а взамѣнъ ей предоставлялось воевать съ Швеціей и Турціей для пріобрѣтенія тѣхъ областей, которыя дозволить присоединить Россіи французскій повелитель. Пред-